

Речная вода была по-весеннему ледяной. Лёгкое, почти невесомое тело Ян Цаоэра ушло в воду, не подняв даже заметной волны. Он медленно погружался всё глубже, вода заливалась в уши, а Ян Цаоэр не сопротивлялся.

Оказывается, смерть была такой - тихой и бесшумной.

Никому не было до него дела. Говорили, будто перед смертью человек в последнее мгновение вспоминает прожитую жизнь, но Ян Цаоэр не вспомнил ничего. Он не мог вспомнить родных родителей, продавших его, не хотел вспоминать и приёмных, которые были к нему жестоки и суровы. Не было ни одного человека, ни одного события, ради которого стоило бы возвращаться мыслями назад.

Ледяная вода казалась удивительно мягкой. Она обволакивала его, поддерживала и тихо уносила вниз. Когда Ян Цаоэр медленно закрыл глаза, вода вдруг взметнулась огромным всплеском. Раздалось громкое «плюх!», кто-то схватил его за запястье и изо всех сил потянул к берегу.

Он открыл глаза, но разглядеть спину спасавшего его человека уже не мог.

— Вытащили?

— Он ещё жив?

— Проклятый Линь Чжуцзы, ну и нелюдь.

Ян Цаоэр лежал без сознания на земле, промокший насквозь, а вокруг уже собралось немало людей. Дядя Гэ оставил здесь мотыгу и вернулся за ней, как раз тогда и увидел, что Ян Цаоэр бросился в реку. Сам он плавать не умел, поэтому в панике принялся звать на помощь. С полей сбежались работавшие поблизости деревенские. Плавать умел только У Ютянь. Он даже не задумался - сразу прыгнул в воду и вытащил Ян Цаоэра на берег.

После спасения человека У Ютянь ничего не сказал, а потом тихо ушёл. Перед тем как уйти, он ещё раз взглянул на Ян Цаоэра и вспомнил собственного фулана, который тоже утонул. В душе у него поднялась горечь.

Дядя Гэ заметил удаляющуюся спину У Ютяня и подумал, что тот хороший человек, просто слишком честный и молчаливый. В деревне он почти ни с кем не разговаривал, а вдовцом стал совсем молодым. Жил он бедно. Ему уже исполнилось тридцать два, а денег на новый брак так и не было. Всё его хозяйство - одна хижина с соломенной крышей да три му тощей земли.

Не успел дядя Гэ додумать, как навстречу по дороге прибежали Линь Мудун и ещё двое. Утром Ян Цаоэру тоже помогал фулан семьи Сяо, поэтому дядя Гэ сразу расступился, пропуская его вперёд.

— Я могу его спасти, — тихо сказал Линь Мудун.

Одна из тётушек недоверчиво посмотрела на него:

— Ты ещё такой молодой, правда умеешь? Не наделай беды. Лучше я пошлю мужа за лекарем.

На него смотрели больше десятка пар глаз. Линь Мудун крепко сжал край одежды и, собравшись с духом, сказал:

— Мои отец и мать были лекарями. Я видел, как они спасали утонувших, и кое-чему у них научился...

К концу голос его стал совсем тихим. На самом деле он лишь видел, как родители спасали людей после утопления, и примерно помнил, что нужно делать. Сам он ещё никогда не пробовал.

Чжоу Ли ждать не стал. Он решительно шагнул вперёд, растолкал людей и протацил Линь Мудуна в круг:

— Какого ещё лекаря ждать? Даже если полетишь на крыльях, всё равно не меньше одной палочки благовоний уйдёт, пока приведёшь его!

Если Линь Мудун не умел, то остальные и подавно. Все они были обычными земледельцами, всю жизнь копавшимися в земле, откуда им знать способы спасения утопающих.

В конце концов вперёд вышел дядя Гэ и решительно сказал:

— Раз уж других способов нет, попробуем спасти хоть так. Человеческая жизнь важнее всего, нельзя терять время.

Линь Мудун тут же опустился рядом с Ян Цаоэром. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять: тот наглотался немало воды. К счастью, во рту и носу не было ни ила, ни песка, поэтому дыхательные пути не были забиты. Он положил руки ему на грудь и начал надавливать так, как когда-то учили отец с матерью. Сам Линь Мудун уже не знал, сколько времени прошло, прежде чем Ян Цаоэр наконец медленно открыл глаза.

У Ютянь вытащил его достаточно быстро, поэтому воды в лёгкие попало не так уж много.

— Очнулся! Правда очнулся? — люди вокруг заговорили все разом и подались ближе.

Линь Мудун поспешно сказал:

— На нём вся одежда мокрая, надо переодеть в сухое, иначе он всё равно заболит.

— Пусть наденет моё, — Чэнь Сяньюэ сегодня была в верхней одежде с длинными рукавами, как раз подходящей Ян Цаоэру. Чжоу Ли тоже снял свою верхнюю одежду.

Переносить Ян Цаоэра пока было нельзя, поэтому переодевать пришлось прямо на берегу. Несколько тётушек и фуланов сами вышли из толпы и встали плотной стеной, закрывая его от чужих взглядов. Мужчинам, понимавшим приличия, объяснять тоже не требовалось - они сами отошли. Дядя Гэ позвал остальных отступить подальше.

Отойдя к меже, люди как раз увидели Линь Чжуцзы с вывихнутой ногой.

Линь Чжуцзы и представить не мог, что всегда покорный Ян Цаоэр осмелится броситься в реку. Сначала ему стало немного страшно, но чем дальше он думал, тем сильнее злился: этот Ян Цаоэр просто принёс ему несчастье.

Один из мужчин не выдержал и посоветовал:

— Твой фулан чуть не утонул. По-моему, тебе всё же стоит позвать лекаря и показать его.

Сам Линь Чжуцзы даже ногой пошевелить не мог, но всё равно грязно выругался, а следом произнёс слова ещё омерзительнее:

— Бесстыжий! Уже с чужим мужчиной обжимается. Хорошо ещё, что я его не убил. Кто знает, может, он давно за моей спиной с У Ютянем спутался.

При спасении человека прикосновений было не избежать, а Линь Чжуцзы сумел выставить всё настолько грязно, что даже мужчина, пытавшийся его вразумить, изменился в лице.

— Скотина. И ещё человеком себя называешь.

Линь Чжуцзы словно не слышал. Он лишь держался за повреждённую ногу и охал от боли. Но не успел он простонать и пары раз, как на него вдруг легла тень.

Линь Чжуцзы поднял голову. Перед ним стоял вернувшийся У Ютянь.

Никто не успел среагировать. Даже дядя Гэ, находившийся ближе всех, не понял, что происходит.

Раздался душераздирающий вопль. И правая нога Линь Чжуцзы, которую до этого лишь вывихнул Сяо И, под ударами У Ютяня была сломана окончательно.

У Ютяня и правда был человеком честным и смирным, но когда его довели до предела, он уже ни о чём не мог думать: с одной стороны - Ян Цаоэра довели до такого состояния, с другой - теперь ещё и его собственное имя поливали грязью.

Ударив Линь Чжуцзы, он и сам на мгновение оцепенел.

Дядя Гэ тут же тревожно прикрикнул:

— У, ты что творишь! Горячая голова!

Но, договорив, поспешно оттолкнул его прочь:

— Уходи скорее. Мы будем считать, что ничего не видели.

У Ютянь быстро ушёл. Палка в его руке была в крови, и он бросил её в реку. Пусть ударить человека было поступком опрометчивым, он не сожалел.

Перед тем как скрыться, У Ютянь ещё раз обернулся на Ян Цаоэра. Тот уже пришёл в себя и был переодет в сухую одежду. Только тогда У Ютянь нырнул в лес, и его фигура исчезла среди деревьев.

Посреди всей этой суматохи и шума прибыл деревенский староста Сунь Дэчжэн. Неизвестно, кто успел ему сообщить, но дело едва не дошло до смерти человека, а значит, он, разумеется, не мог оставить всё без внимания.

Следом пришли старейшина рода Линь и мать Линь Чжуцзы. Стоило матери увидеть, в каком состоянии её сын, как она сразу разрыдалась.

— Чжуцзы! Сынок мой!

Чжао-ши бросилась к нему и, коснувшись ноги, тут же испачкала руку в крови. Линь Чжуцзы был полубессознательным, а вид его сломанной ноги едва не заставил её саму лишиться чувств. Она возненавидела Ян Цаоэра ещё сильнее, стиснула зубы и ткнула в него пальцем:

— Это ты! Наверняка всё из-за тебя! Несчастье ходячее, с рождения только и умеешь, что губить моего сына!

Ян Цаоэр только-только пришёл в себя и, услышав такие обвинения, даже не осмелился возразить. Чжао-ши часто «учила его правилам», и страх перед ней уже въелся ему в кости. Не получилось умереть, и теперь приходилось снова выслушивать подобные слова.

Линь Мудун немного сдвинулся, заслонив от него Чжао-ши, и взял Ян Цаоэра за руку:

— Не слушай её. Всё не так. Это они тебе несчастье приносят.

Его ладонь была тёплой - одним из немногих источников тепла, которых Ян Цаоэру вообще доводилось касаться. Даже тело понемногу начало согреваться, и Ян Цаоэр беззвучно придвинулся к Линь Мудуну ближе.

Сунь Дэчжэн дважды кашлянул, нахмурился и посмотрел на Чжао-ши. Её поведение явно вызывало у него отвращение.

— Хватит. Что это за крики? Чжао-ши, следи за словами.

Потом он распорядился:

— Сначала отнесите его домой. Нельзя же всё время держать человека на берегу.

Он велел нескольким крепким фуланам поднять Ян Цаоэра и унести - прежде всего нужно было позаботиться о его жизни.

Чжао-ши лишь скосила глаза и ничего не сказала, продолжая обнимать своего сына со сломанной ногой. На Ян Цаоэра она ненавидяще скрипела зубами и, казалось, была бы только рада, если бы тот умер где-нибудь снаружи - тогда её сыну можно было бы найти нового фулана, способного родить.

Сунь Дэчжэн снова посмотрел на старейшину рода Линь и сказал:

— Изначально это было семейное дело вашего рода. Но раз чуть не погиб человек, теперь это уже дело всей деревни. Если слухи пойдут дальше и начнут говорить, будто в Сяохэ издеваются над фуланами и доводят их до смерти, хорошей славы нам это не принесёт. Разбирайтесь сами как следует.

Сунь Дэчжэн был старостой всей деревни и одновременно старейшиной одного из самых больших местных родов, поэтому его словам придавали вес. Достаточно было нескольких предупреждений, чтобы старейшина рода Линь сразу насторожился.

Чжао-ши, увидев, что дело принимает дурной оборот, вцепилась в сына и снова принялась рыдать и причитать:

— Дядюшка, рассудите по справедливости! Это всё та дрянь губит наш род! Живёт у нас столько лет, а даже ничего родить не смог, ещё и довел моего сына до сломанной ноги! Теперь то умирает, то жить не хочет, лишь бы моего сына грязью облить! Такого только выгнать из

семьи!

От этих слов даже несколько тётушек, остановившихся поглазеть на шум, скривились от отвращения.

— Да кто в деревне не знает, какие мерзости ты, Чжао-ши, творишь? Чуть ли не через день заставляешь фулана сына идти к тебе в комнату прислуживать с утра до ночи. А сами супруги сколько раз вообще спали вместе? Если говорить, что это Ян Цаоэр виноват, что у вашего рода нет потомства, - только призрак поверит!

— Тьфу на вас! Пошли прочь! — Чжао-ши принялась плевать в их сторону.

Но перед старостой и таким количеством односельчан старейшина рода Линь обязан был хотя бы сохранить видимость справедливости. Он кашлянул дважды, нахмурился и строго сказал:

— Ты, как мать, поступаешь бессердечно и дурно обращаешься с младшими. Вернёшься домой - хорошенько подумай над собой. Если ещё раз услышу, что Ян Цаоэра притесняют, и из-за этого будет запятнано имя нашего рода Линь, ради всего рода вашу ветвь придётся исключить из родословной.

Не говоря уже о прочем, его младшему сыну в следующем месяце предстояло договариваться о браке. Если будущие родственники услышат о грязных делах третьей ветви семьи Линь, ещё неизвестно, захотят ли отдавать туда дочь. Вот это было действительно важно. Да и в роду оставалось немало незамужних девушек и гэров, которым ещё предстояло искать пару. Все зависели от доброго имени семьи, и нельзя было из-за одной третьей ветви опозорить весь род.

У Чжао-ши будто дыхание застряло в горле, она едва не лишилась чувств. Несколько тётушек засуетились, стали щипать её под носом и в конце концов помогли унести домой и её, и Линь Чжуцзы.

.....

В доме семьи Линь Ян Цаоэр спал в дровяном сарае. Со всех сторон туда задувал ветер и залетал дождь. Лишь за поленницей стояла деревянная лежанка, устланная соломой для тепла. Линь Мудун не мог понять, как Ян Цаоэр пережил здесь зиму. Неужели только на этой соломе?

У Ян Цаоэра будто совсем не осталось желания жить. Даже после того как его вытащили из реки, он оставался похожим на бесплотную тень и лишь всё время держался за руку Линь Мудуна.

— Не бойся, — тихо утешал его Линь Мудун. — Староста уже предупредил их. Твоя свекровь больше не посмеет обращаться с тобой так жестоко, иначе их могут исключить из

родословной. И мы будем часто приходить тебя навещать.

Чэнь Сяньюэ рядом согласно кивнула. Пусть каждая семья и не могла помогать многим, но сорвать пучок овощей со своего поля или принести какой-нибудь фрукт было несложно. По крайней мере, человека не дадут умереть голодом.

Таков уж был этот мир: у девушек и гэров от рождения почти не было права голоса. Другие не могли спасти их во всём - им приходилось самим искать способ защитить себя.

Чжоу Ли огляделся по сторонам и увидел, что даже соломы для тепла здесь почти нет. Его тут же прорвало:

— Злобные твари с черным сердцем! На твоём месте я бы приставил нож к их горлу и сказал: раз так, пусть никто не живёт! Все вместе отправимся перерождаться, а в следующей жизни пусть они будут скотиной!

Чэнь Сяньюэ поспешно зажала ему рот и мягко остановила:

— Что ты такое говоришь?

Если подобные слова разойдутся по деревне, люди ещё сильнее станут судачить, будто у Чжоу Ли дурной и вспыльчивый нрав. Пусть Лю Шунь сам и не обращал на такое внимания, дурная слава всё равно ни к чему.

Зато Линь Мудун закивал так часто, словно клевал рис, и тихо поддержал:

— Ли-гэр прав.

Чэнь Сяньюэ каждому легонько постучала по голове:

— Если все станут действовать сгоряча, разве мир не перевернётся вверх дном? Отдавать собственную жизнь ради таких людей - вот что действительно того не стоит.

Кто-то продолжал ругаться, кто-то думал, как помочь. Ян Цаоэр понемногу слушал их и словно постепенно возвращался к жизни. В нём наконец появилось хоть немного живого тепла.

По крайней мере, были люди, которым он был небезразличен. Даже если бы он умер, нашлись бы те, кто запомнил бы его.

Он тоже хотел жить хорошо - как Линь Мудун, Чжоу Ли и остальные, просто вести обычную жизнь. Если бы он не дошёл до того, что жить стало невозможно, кто бы добровольно искал

смерти?

Вскоре лично пришёл старейшина рода Линь. Стоило ему увидеть дровяной сарай, где жил Ян Цаоэр, как даже в нём проснулось сочувствие. Он велел семье Линь освободить для Ян Цаоэра отдельную комнату, а потом так обругал всю семью, что тем некуда было деваться.

Чжао-ши с явной неохотой освободила кладовую для дров рядом с кухней. Но и этого уже было достаточно. Там были стены и окно, по крайней мере, теперь существовало место, где можно укрыться от ветра и дождя.

.....

На кухне Сяо И подбросил дров в огонь и долил воды, чтобы поставить рис. Горячие блюда уже стояли готовые, а рис так и не начали варить. Фулана нигде не было видно. Сяо И обошёл и передний, и задний двор, но не нашёл его и уже начал беспокоиться.

Он сварил рис и решил ждать. Пока ждал, пошёл в загон убирать помёт за курами, утками и гусыней. В последние дни заметно потеплело, и теперь убирать приходилось через день, иначе помёт начинал вонять и преть, запах стоял бы повсюду, да ещё и болезни могли пойти.

Линь Тяньба, размером едва с ладонь, вытянула шею и с разбега кинулась на Сяо И, собираясь ущипнуть его. Тот поймал её за клюв и одним движением вышвырнул наружу.

Когда все дела были закончены, он наконец дождался фулана, явившегося с большим опозданием.

— Где ты был?

Линь Мудун рассказал ему о Ян Цаоэре и с тревогой сказал:

— Линь Чжуцзы его бьёт. Он такой несчастный.

— И что тут сложного? Найти нескольких человек и один раз хорошенько его проучить, чтобы запомнил, — беспечно ответил Сяо И, привалившись к фулану. — Даже бить необязательно. Пару раз кулаком перед носом помахать - уже поможет. Такие трусы запугивания не выдерживают.

Ну вот опять - стоило Сяо И заговориться, как он понемногу придвинулся к Линь Мудуну. В конце концов даже прохладные губы коснулись его лица, и он украдкой поцеловал его. Хорошо ещё, что бабушки рядом не было. Линь Мудун облегчённо выдохнул и машинально вытер с щеки слюну.

Сяо И потрясённо прижал руку к груди и с раненым видом заявил:

— Ты мною брезгуешь!

Линь Мудун недоумённо посмотрел на него. Да нет же. Просто на лице осталась слюна, щекотно и неприятно.

— Я тобой не брезгую...

Он не успел договорить, как на него снова посыпались частые поцелуи. Хорошо хоть они были в собственном дворе. Да и когда целуешься часто, постепенно становишься не таким стеснительным. Линь Мудун беспомощно вздохнул - с Сяо И всё равно ничего нельзя было поделать - и лишь поднял голову, позволяя ему целовать сколько хочется.

<http://bllate.org/book/19002/2371400>